

ВОСПОМИНАНИЯ О РЫЛЕЕВЕ ЕГО СОСЛУЖИВЦА ПО ПОЛКУ А. И. КОСОВСКОГО (1814—1818)

Публикация А. Г. Цейтлина

А. И. Косовский — сослуживец Рылеева по конно-артиллерийской роте, совершавший вместе с ним заграничные походы 1814—1815 гг. и позднее находившийся в одной с Рылеевым воинской части в Литве и в Острогожском уезде Воронежской губернии. Фамилия Косовского не раз фигурировала в письмах сослуживцев к Рылееву (см., например, выше письмо к нему артиллерийского офицера Гардовского) и в письмах поэта к родным. Так, Рылеев писал жене 28 июня 1822 г. из Харькова: «Косовского не застал, его теперь нет в городе»¹. Повидимому, именно к Косовскому было обращено послание Рылеева «К К — му. В ответ на стихи, в которых он советовал мне навсегда остаться в Украине». Как явствует из печатающихся ниже воспоминаний, именно Косовский дал Рылееву совет, на который поэт ответил решительным отказом:

Чтоб я младые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!
Нет, нет тому во век
Со мною не случиться;
Тот жалкий человек,
Кто славой не пленится!
Кумир молодой души,
Она меня, трубою
Будя в немой глуши,
Вслед кличет за собою
На берега Невы².

Рылеев вышел в отставку в декабре 1818 г. С Косовским он, вероятно, виделся еще раз в 1821 г., во время своего пребывания на Украине. По сообщению Косовского в начале его воспоминаний, «со дня разлуки моей с ним <Рылеевым> прошло почти более 28 лет»; стало быть, он писал их около 1849 г. Напечатать в это время злейшего цензурного террора воспоминания о государственном преступнике Рылееве, имя которого строжайше запрещалось упоминать в печати, было, разумеется, предприятием несбыточным.

Свой рассказ Косовский начинает хвалебным отзывом о Рылееве, «человеке замечательном», «малейшие подробности жизни» которого должны быть переданы потомству. Рассказ Косовского о Рылееве не раз оказывается уязвимым с точки зрения фактов. С одной стороны, ему иногда изменяла память, с другой — он наделял Рылеева в 1817—1818 гг. знанием того, что ему никак не могло быть в ту пору известно. Таково, например, заявление, приписанное Косовским Рылееву: «для меня решительно все равно, какою бы смертью ни умереть, *хотя бы быть повешенным*; но знаю и твердо убежден, что имя мое займет в истории несколько страниц!».

Молодой Рылеев задыхался в затхлой атмосфере провинциальной военщины. В эти годы (1817—1818) русскую армию начали «подтягивать» Аракчеев и его приспешники, жестокими мерами выбивая из офицеров и солдат вольный дух. То, что вполне одобрялось некоторыми сослуживцами Рылеева, его самого приводило в волнение. 7 апреля 1818 г. Рылеев писал матери: «И так уже много прошло времени в службе, которая никакой не принесла мне пользы, да и вперед не предвидится, и с моим характером я вовсе для нее не способен. Для нынешней службы нужны подлецы, а я, к счастью, не могу им быть и по тому самому ничего не выиграю»³.

Косовский не хотел и не мог понять Рылеева. Он постоянно сочувствовал офицерам, спорившим с Рылеевым, и столь же постоянно советовал Рылееву бросить несбыточные мечтания и зажить, как живут все. Однако мемуарист понимал, что «наш мир» казался Рылееву «слишком тесен». Его воспоминания ценны тем, что они колоритно рисуют отрицательное отношение Рылеева к среде провинциального офицерства конца 1810-х годов.

Косовский явно недоброжелателен к Рылееву и легко взваливает на молодого офицера различные обвинения. В печатаемом ниже тексте воспоминаний эти обвинения в основном не воспроизводятся, так как являются клеветой реакционно настроенного николаевского генерала на одного из вождей декабристского движения.

Однако, наряду с явными измышлениями, Косовский сообщает о Рылееве много верного и интересного. Он передает любопытные подробности об участии Рылеева в сражениях с французами, о впечатлениях его от заграничной жизни. Он изображает быт Рылеева во время стоянки его роты в Литве и под Острогожском, его внешность, описывает его своеобразную одежду. Он не раз говорит о том, как упорно трудился Рылеев, видимо уже тогда решивший отдалиться литературе.

Чрезвычайно ценны сведения Косовского о семье Тевяшовых. Его рассказ о них чужд какой бы то ни было идеализации и, повидимому, гораздо более близок к истине, нежели та идиллическая характеристика, которую Рылеев давал этой семье в письмах к матери перед женитьбой⁴.

Самое важное в рассказе Косовского — это его характеристика Рылеева, еще до переезда в Петербург, — «помешанного» «на равенстве и свободомыслии». Косовский указал, что Рылеев уже в Острогожске «жестoko нападал на наше судопроизводство, карал лихоимство, доказывал сколько зла в администрации». Свидетельствуя об этом, Косовский, сам того не желая, опровергает традиционно-идиллические изображения острогожского покоя и счастья, создававшиеся почти всеми прежними биографами Рылеева.

Все это дает воспоминаниям Косовского право на внимание читателей.

〈ВОСПОМИНАНИЯ А. И. КОСОВСКОГО〉⁵

Говорят, что судьбы всевышнего неисповедимы! Это святая истина, — она оправдалась вполне на бывшем моем товарище Кондратии Феодоровиче Рылееве, который слишком рано оставил земное поприще! В настоящее время трудно припомнить и сообразить все обстоятельства, случившиеся в первые годы жизни этого человека. Думал ли он или кто из товарищей, бывших из его сослуживцев в течение шести лет, что Р<ылеев> выйдет, к удивлению всех, человеком замечательным и потребует от каждого из нас передать потомству малейшие подробности жизни его?!

Со дня разлуки моей с ним прошло почти более 28 лет, а это — не безделица! Если я решаюсь сказать несколько слов о нем, то это не есть пустословие, а все то, что совершалось пред моими глазами в течение шести лет, т. е. со дня поступления его в батарею, на действительную службу, по день подачи в отставку и разлуки нашей.

Легко может быть, что по давности времени я не передам всего и упущу многое, то пред<о>ставляю прочим из товарищей наших дополнить то, чему каждый из них был свидетелем в разное время праздной,

Н. Рылеев

РЫЛЕЕВ

Гравюра, помещенная в «Полном собрании сочинений» поэта, Лейпциг, 1861 г.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

бесполезной службы товарища своего Рылеева! На мою же долю выпадает указать следующее.

Рылеев был сын умершего генерал-майора ⁶, воспитывался в Первом кадетском корпусе, а по окончании наук поступил на службу в 1813 году в конно-артиллерийскую № 1 роту (что впоследствии № 11, 12, 14 и, наконец, № 16 батареи), имел от роду с небольшим 20 лет ⁷. Роста он был среднего, телосложения хорошего, лицо круглое, чистое, голова пропорциональна, но верхняя часть оной несколько шире; глаза карие, несколько на выкате, всегда овлажены и приятные; в особенности, когда он читал стихи или хорошую прозу из лучших сочинений, отчего он часто делался как бы вдохновенным; будучи несколько близорук, он носил очки (но более во время занятий за письменным столом своим) <...> <Рылеев> иногда принимал участие в танцах, которые крепко ему не дались<...> В это время старался выказывать свои способности, много говорил и спорил о разных предметах, любил поинтриговать, в особенности противу немцев, а их было тогда в батарее 6 чел<овек>, лифляндцев и курляндцев; все с хорошим образованием, известных фамилий и отличные служаки, которые с прочими 5-ю русскими офицерами жили в согласии; но Рылеев не любил первых, за исключением одного меньшого брата, барона У.-Ф.-Р. ⁸, который действительно был прекраснейшей души и правил, — одним словом, хотя Рылеев явных врагов <в> батарее и не имел, но и лишней приязни никто с ним не водил <!>, ибо каждый считал его человеком не совсем верным, как бы отчужденным от всего общества; в особенности в последнее время, когда он сделался более скрытным. Но иногда выпадали дни, в месяц раза три или четыре, Рылеев, наскучив сидеть один в деревне, приезжал в батарейный штаб и читал нам из лучших сочинений прозу и стихи, к чему он имел большую способность и дар слова! Но Державина и Дмитриева предпочитал прочим. Мы охотно слушали его и оставались довольны; а в заключение всей беседы иногда прочитывали свои мелкие сочинения, которые иногда находил слабыми, тут же уничтожал, а их было довольно.

Состоя на службе в конной артиллерии, чего бы казалось лучше желать в его лета, красоваться на хорошем коне, в нарядном мундире, батарея с тремя отличиями за сражения (золотые петлицы на воротниках мундира, бляхи на киверах за отличия и серебряные трубы); но он не полюбил службы, даже возненавидел ее и только по необходимости подчинялся иногда своему начальству. Он с большим отвращением выезжал на одно только конно-артиллерийское ученье, но и то весьма редко, а в пеший фронт никогда не выходил; остальное же время всей службы своей он состоял как бы на пенсии, уклоняясь от обязанностей своих под разными предлогами. Часто издевался над нами, зачем служим с таким усердием; называя это унижительным для человека, понимающего самого себя, т. е. подчиняться подобному себе и быть постоянно в прямой зависимости начальнику; говорил — вы представляете из себя кукол, что доказывают все фрунты, в особенности пеший фрунт; он много раз осыпал нас едкими эпиграммами и не хотел слушать дельных возражений со стороны всех товарищей его.

Такого рода замечания со стороны Рылеева мы всегда относили к одной болтовне, беспокойному его характеру и настроению, с коими он так освоился ко вреду службы и к собственной гибели; да и к чему же иному могло повести его отчуждение от нашего общества? Сидевши постоянно один в мужицкой хате, не думая быть полезным по службе и избегая сотрудничества товарищей своих, которые только по необходимости держали его в обществе своем, он явно * считал нас слишком слабыми,

* *Зачеркнуто*: не устыдился при всем здравомыслии и с новыми своими идеями

чтобы не понять <!> его. Увещания же со стороны батареинного командира не имели на его никакого влияния; над чем он всегда смеялся и даже считал себя обиженным. Это было поводом, что коман<дир> бата<рей> * решился представлять его несколько раз к переводу в другой род службы как нерадивого по службе и бесполезного во всех отношениях офицера, но это не было уважено: на три представления подполков<ника> Сухозанета (давно уже умершего) бывший в то время инспектор всей артиллерии бар<он> Меллер-Закомельский просил письмом, чтобы Рылеева удержать в бата<рее>, следить за ним строго и со временем сделать из его полезного человека — то для общества, ежели не для службы! (Были такие слухи, что отец Рылеева в молодых годах служил с б<ароном> Меллер<ом>-Зако<мельским> и были приятелями). Впоследствии Рыле<ев> жестоко отблагодарил бывшему командиру своему, п<олковнику> Сухозанету, устроивши противу его весьма неприятную историю <...> и довел до того, что той же батарее прапорш<ик> Миллер единственно по наущению Р<ылеева>, как одноклассника по корпусу, должен был принять дуэль на пистолетах, причем Рылеев у Миллера был секундантом. Сухозанет остался невредим, а Миллер был ранен в руку⁹.

Так как Рылеев фрунтовой службы не любил, да и гарнизонной ненавидел, то иногда командировали его для принятия разных сумм от Воронежской комиссии и комиссионера <...>

С производством Рылеева в офицеры в 813 году он отправился прямо за границу, к батарее, которая в то время находилась в авангарде графа Чернышева, противу французских войск. Рылеев был несколько раз в сражениях, но особых отличий в делах не имел случая оказать. По заключении же мира в Париже в 1814 году и до возвращения в Россию никто из нас в Ры<лееве> ничего особенного не замечал; он держал себя осторожно <...>

По возвращении в пределы России в начале сентября 1814 года батарея расположилась <в> Гродненс<кой> губер<нии> Слонимск<ом> уез<де> в м<естечке> Столовичах; здесь батарея получила на укомплектование много людей и лошадей. К тому же времени приехал в батарею и бывший начальник штаба артиллерии в 1-й армии г. Сухозанет, который сурьезно принялся учить командира батареи подполков<ника> Сухозанета (брата своего родного), переведенного из пешей бригады, равно и всех гг. офицеров. Так как ученье производилось по два раза в день и с большею отчетливостию, почти без отдыха, то нам показалось слишком тяжело, а Рылеев даже возненавидел все роды учений и с того времени смотрел на них с отвращением, а так как батарея была в составе 6 взводов, а офицеров состояло 10 человек<ек> налицо, то Р<ылеев> не имел взвода, и это самое давало ему возможность уклоняться от занятий по службе во все время пребывания генер<ала> Сухозанета в м<естечке> Столовичах.

С наступлением же 1815 года, когда российские войска вторично выступили в пределы Франции 18 марта и батарея поступила в авангард генер<ала> Чернышева, Рылеев назначен был от батареи за квартирмистра с юнкером, который говорил по-немецки. С этого времени Рылеев сделался к службе подейтельнее и собственно для себя полезным; со вниманием следил он за благоустройством тех мест, чрез которые следовала батарея; иногда передавал нам свои неважные замечания по разным предметам. А с переходом чрез реку Рейн батарея расположилась квартирами в границах Франции в гор<оде> Васси и окрестностях оного. Здесь в течение 2¹/₂ месяцев, когда батарея готовилась к высочайшему смотру близ г. Вертю, Рылеев успел составить несколько записок

* Зачеркнуто: три года спустя

того края, в коих старался изложить свой взгляд *. Зародилась в нем мысль, что в Р<оссии> все дурно, для чего необходимо изменить все законы и восстановить к<онституцию?>

А на возвратном пути в отечество записки его значительно увеличились: с приходом же в Виленск<ую> губ<ернию> Росиянского уезда в м<естечко> Ретово (на самой границе Пруссии, принадле<жащее> князю Огинскому), Рылееву пришлось стоять в д<еревне> Вижайцы, тоже недалеко <от> прус<кой> грани<цы>, в 8 вер<стах> от г. Мемель, а от батареиногo штаба — в расстоянии 7 миль. Здесь-то Рылеев, будучи на свободе, начал трудиться собственно для себя, и без малейшего стеснения занялся приведением в порядок своих записок; с этого же времени он старался приобрести все лучшие сочинения русских авторов, часть коих получил из Петербурга от матери и дяди своего; постоянно читал, завел обширную переписку с некоторыми из товарищей своих по корпусу, из коих один служил шта<бс>-кап<итаном> в гренадерс<ком> полку, кажется Асосков, коему еженедельно посылал исписанных несколько листов почтовой бумаги; но в чем состояла эта переписка, из нас никто не знал и не любопытствовал. А между тем, находясь по близости границы, он часто посещал приморский город Мемель, где проводил дня по два и по три, без позволения батар<ейного> командира. В скорости после сего Ры<лее>в начал дарить нас своего сочинения посланиями, а иногда и элегиями, из коих большая часть расходилась по рукам и уничтожалась как неинтересного содержания, оставшиеся же у меня некоторые из них и отысканные недавно в старых бумагах при сем прилагаются в копиях, для соображения о постепенном развитии таланта молодого поэта, рвавшегося на простор¹⁰.

В том же году, будучи тяжело болен в продолжение более четырех месяцев, он не оставлял своих занятий, а по выздоровлении однажды сказал:

— Хотя недуг меня и сломил, но время золотого я не терял; чем мне нужно было заняться, я успел передумать и сообразить; вижу, что мне предстоит множество трудов **! Жаль только, что не имею сотрудника.

— Да в чем же именно будут состоять эти занятия? — спросил один из товарищей.

— В том, что для вас покажется ново, странно и непонятно! Да, на это потребуются много силы воли, чего ни в одном из вас я не замечаю!

Слышавши такие суждения, прикрываемые такими ничтожными посланиями, коими он дарил нас, мы сделали заключение: не задумал ли Ры<лее>в основать масонскую ложу, подобно ложе С<вято>го Георгия, от которой незадолго пред сим правительство наше требовало отречения и взяло от каждого подписку о непринадлежности ни к каким тайным обществам¹¹.

В это время Р<ылее>в в глазах наших сделался более сомнительным; его скрытный характер, осторожность в речах <...> ясно показывали, что этот новый Гений озабочен чем-то необыкновенным, по тогдашнему мнению нашему казалось более смешным, а потому часто приходилось заводить спор и слышать уклончивые суждения Рылеева, из которых ничего дельного мы не понимали и снова советовали бросить несбыточные предположения его, но он твердо стоял в своих убеждениях и не думал измениться.

По выздоровлении своем Рылеева можно было видеть по большей части в мужицкой избе с полусветом, за простым рабочим столом, на коем были нагромождены разные книги, даже на лавках занимаемой им комнаты,

* После слов свой взгляд зачеркнуто: сделал сравнение по многим частям, причем не пожалел даже высказать много правды

** Первоначально: занятий

множество разбросанных бумаг, тетрадей, свертков, разного хлама и в особенности пыли. Сам же он постоянно носил оригинальный двубортный сюртук светлокоричневого сукна, под названием *пиитического*, самим им придуманного, длина коего до колен, с широкими рукавами, с двумя на груди карманами, с несколькими шнурами и кистями, а воротник маленький, отложной, так что вся шея открыта; панталоны светлосерого сукна, но без красной выпушки и без штриф, в коих по рассеянности один раз выехал во фрунт, за что и был арестован. Шапка или картуз черного сукна особого покроя; сапоги носил без подборов, но большей части стоптанные, часто порванные, нечищенные; туфлей и галош он не имел ¹²⟨...⟩ В пище он был неразборчив, но, если случалось сидеть за хорошим столом, кушал с большим аппетитом, причем любил и выпить. Если же попадало в голову лишнее, то делался многоречив, начинал витийствовать, декламировать; ода «Бог», «Водопад» и «Вельможа» Державина сейчас являлись на сцену; а иногда, увлекшись спором, выходил из себя и делался несносным, потому что ни с чьим мнением никогда не хотел согласиться, ставя свои суждения выше всего.

Простоявши на этих квартирах год и четыре меся⟨ца⟩, батарея выступила из Виленс⟨кой⟩ губер⟨ний⟩ в Орловс⟨кую⟩ губ⟨ернию⟩ в г. Мценск; на время похода Рылеев был назначен за квартирера и в течение пяти недель обязанность сию исполнял весьма добросовестно.

⟨...⟩ Во Мценске батарея простояла не более 2½ меся⟨цев⟩ и после отдыха двинулась далее ⟨в⟩ Воронежс⟨кую⟩ губ⟨ернию⟩ Остро-гожского уезда в мес⟨течко⟩ Белогорье на берегу тихого Дона. Здесь при общем размещении 6 взводов, Рылееву пришлось идти за 30 верст, в глухой степи, состоя в дивизионе другого офицера, где он и основал себе верный приют на два года. В скорости он приобрел знакомство в том же огромном казенном селении с помещиком, отставным майором Михайлом Тевяшевым, человеком прошлого столетия времен Екатерины, преисполненного доброты сердца, но прожившего в глуши более 30 лет, с плохим здоровьем; он решительно отстал от тамошнего общества. У него были две дочери 11 и 12 лет, но без всякого образования, даже не знали русской грамоты; между тем отец их имел весьма хорошее состояние. Управлением хозяйства ни он, ни жена-старушка не занимались, все шло по воле мужика их А⟨р⟩тамона, а они, доживая век свой, молились богу!

Рылеев первый принял живейшее участие в этих двух девицах и с позволения родителей принял на себя образование их, чтобы по возможности вывести их из тьмы, ибо, живши в степной глуши, от уез⟨дного⟩ гор⟨ода⟩ Острогожска в 60 верст⟨ах⟩, где ни жена, ни дочери Тевяшева никогда не бывали, светского обращения нигде не имели случая видеть и почти ни с кем знакомства не водили, следовательно, оставались на произвол судьбы. Смотревши на семейство Тевяшевых, мы удивлялись и сердечно сожалели, что русский дворянин, хорошей фамилии, с состоянием, прослуживши в военной службе более 20 лет, мог отстать от современности до такой степени и не озаботился о воспитании двух дочерей. В ихнем кругу или обществе «Московские ведомости» читались по выходе в свет спустя две-три недели, а иногда и месяц, потому что выписывали их 4 и ⟨ли⟩ 5 помещиков, живших один от другого на весьма значительном расстоянии.

Взявши на себя столь важную обязанность, Рылеев употребил все усилия оправдать себя пред своею совестью: постоянно занимался с каждой из учениц, постепенно раскрыл их способности; он требовал, чтобы объясняли ему прочитанное и тем изощрил память их; одним словом, в два года усиленных занятий обе дочери оказали большие успехи в чтении, грамматике, арифметике, истории и даже закону божью, так что они могли хвалиться своим образованием против многих девиц соседей своих, гораздо

богаче их состоянием, в особенности старшая дочь, Наталья Михайловна, сделалась премилая умненькая девица.

Кончая науки, товарищ наш и не заметил, что увлекся тихим характером старшей ученицы своей Н. М.! Прежде Рылеев был тех мнений и старался всегда доказывать в своем сочинении в стихах (после им самим уничтоженное), что брачная жизнь «ни к чему не ведет; а тем более, для человека, постоянно озабоченного серьезным делом и не имевшего средств к жизни», но, когда влюбился в Нат<алью> Мих<айловну>, он не мог уже владеть собою, а когда узнал о взаимности со стороны Н. М., то начал писать в честь ее многое множество, из коих отыскиались в старых моих бумагах *Акrostих* и *Триолет*, писанные рукою Рылеева¹³.

В исходе 1818 года Рылеев решился сделать предложение, которое и было принято стариками с радостью, но с условием, чтобы свадьбу отложить до будущего года; а к тому времени Кондратий Федорович должен был подать в отставку по настоянию батарейн<ого> команд<ира>, да и сам видел хорошо, что он никем не любим и лишний для службы.

Посвятивши себя на доброе дело — образовать двух девиц, Рылеев не оставлял и постоянных своих занятий. В течение 817 и 1818 годов он исписал бумаги целые горы; брался за многое, не жалея сил и умственных напряжений, но за то же многое уничтожено им же самим, чему и нам случалось быть свидетелями неоднократно: бывало, прочтет что новенькое и тут же рвал или сжигал, а некоторые отрывки расходились по рукам; но записок под названием (как он говаривал) деловых никому никогда не показывал.

При стольких заботах своих он крепко дорожил временем и редко показывался между товарищами, а если и являлся, то на короткое время, часто уверяя, что он один трудится за всех нас.

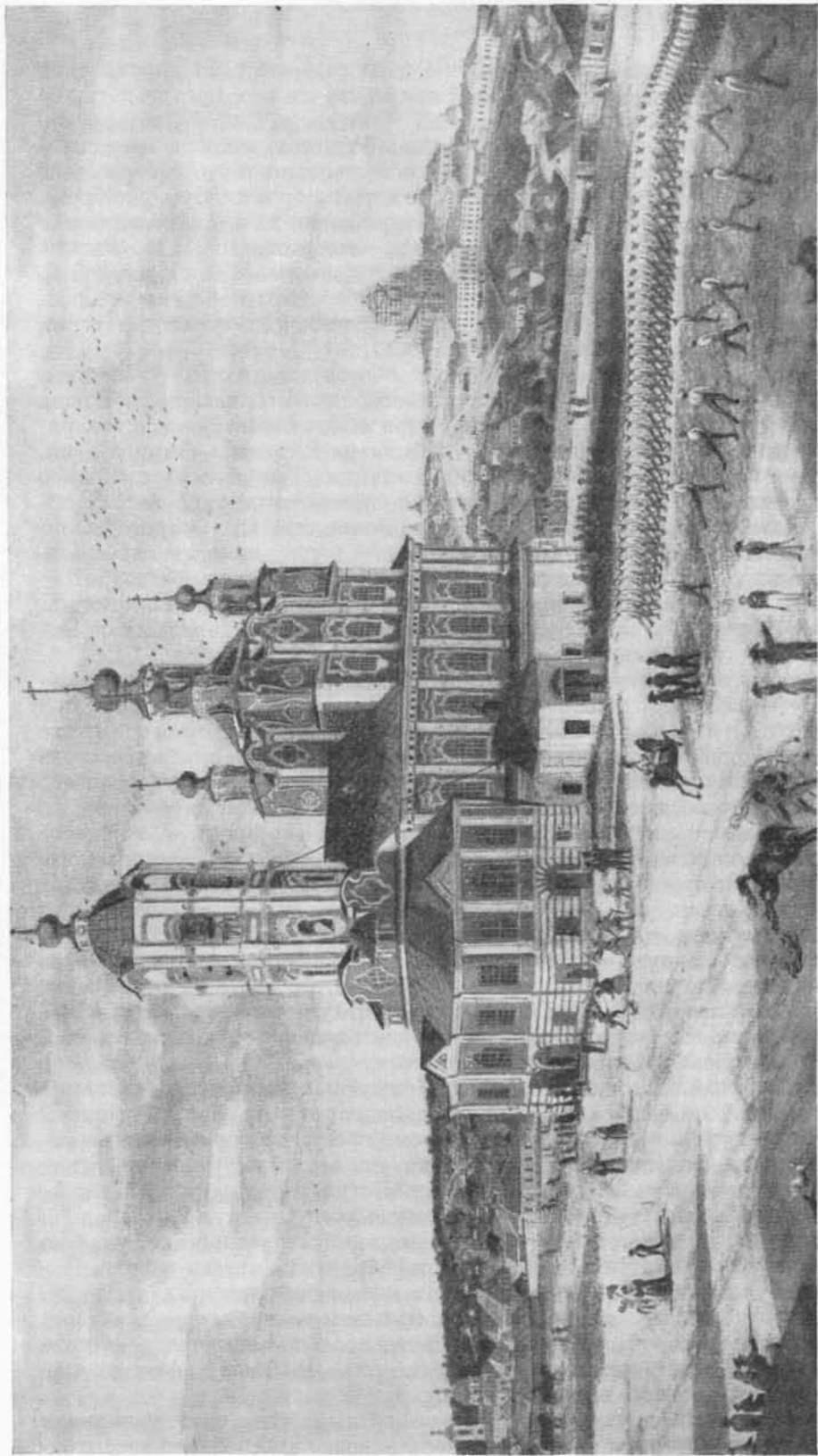
Почти в это же время, он успел сделать некоторые очерки для *Дум* своих, которые впоследствии были изданы в свет. *Дмитрий Донской*, *Богдан Хмельницкий*, *Курбский* и *Наталья Долгорукая* нам были уже несколько знакомы в 1818 году, равно и поэма «Войнаровский»¹⁴, коими мы также любовались *. Но все это впоследствии много исправлено и дополнено им. Похвальное слово Мордвинову (бывшему министру) также начато при нас, которого ум и правду Рылеев ценил высоко!

Случалось слышать от его, как он соболезновал, что не знал хорошо ни одного иностранного языка, не может ни говорить, ни переводить¹⁵, — учиться же им тогда не находил время, будучи сильно озабочен важными делами (это всегдашнее его выражение).

Находясь в таком настроении духа и будучи, так сказать, связанным по рукам и ногам, он не предвидел возможности осуществить свои идеи! Мы замечали, что в нашем обществе ему становилось душно. Однажды он проговорился: «Нет, нет! надо ехать туда, где люди живут и дышат свободно!»** А куда бы, например, ехать? — спросили товарищи. — «В Америку, непременно в Америку! — где куплю часть земли, положу основание колонии независимости, и тогда, кто захочет из вас жить по произволу, не быть в зависимости от подобных себе, не слышать о лихоимстве и беззакониях нашей страны, тех я приму с распростертыми объятиями и мы заживем так, как немногие из смертных!»¹⁶. На это заключение был сделан ему вопрос: «Где же возьмем средства к оному?» — «Я выйду в отставку, — отвечал он, — и буду служить в Американской компании секретарем, с жалованьем по 12 т<ысяч> в год и готовая квартира; место это давно уже предлагают мне, и я займу его непременно, чтобы этим путем достигнуть цели своей!»¹⁷.

* Далее зачеркнуто: и одобряли Рылеева

** Далее зачеркнуто: Да куда же ты располагаешь?

ОБУЧЕНИЕ СОЛДАТ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ

Аquareль неизвестного художника, 1820-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Кто именно был задушевный друг Р<ылеева>, кому он вверял свои тайные помышления, — из товарищей его никто не мог предугадать, но все домогались сильно!

Слушая такие повествования со стороны Рылеева, мы невольно смеялись от души. Однажды в такой беседе, когда распалили его воображение и проговорили, что все предположения его есть издор и ни к чему доброму повести не могут, а другой из товарищей прибавил: да и Пугачев затевал много! Но чем же все кончилось? — злодея четвертовали. На это Рылеев отвечал, принявши более серьезный вид: «Вы не знаете моих мыслей и, конечно, не поймете всего того, если бы я и объяснил; по моему мнению, вы жалкие и умрете в неизвестности, тогда как мое имя займет в истории несколько страниц; кто переживет из вас, тот убедится!».

При этом нельзя не передать о двух обстоятельствах, случившихся с Рылевым одно после другого. Спустя несколько месяцев, когда жизнь его, как говорится, висела на волоске, первое: однажды, гуляя с товарищем по улице местечка Белогорье (где была расположена батарея), они подошли к небольшому домику почтовой станции, чтобы в растворенное окно сказать хозяину, содержателю почты, прислать на утро тройку лошадей, ехать по порученности батарейного командира в г. Острог<ж>ск; в это время товарищ увидел чрез окно стоящее в углу комнаты необыкновенно длинное ружье; на вопрос хозяину, где приобрел такое добро? — ответ был такой: я купил у мужика, который отрыл его в степи из кургана. Товарищ, будучи большой знаток и отличный стрелок, предложил Рылеву зайти в дом, осмотреть ружье, на что он и согласился.

При входе в комнату, первый вопрос был хозяину: «А что, ружье заряжено?» — «Кажется нет, — отвечал хозяин, — три дня, как брат мой был на охоте и сломал шомпол». Тогда товарищ начал осматривать ружье со вниманием и желал удостовериться не заряжено ли оно, просил Рылеву приложить руку к затравке, а сам начал дуть в дуло, когда же Р<ылеев> уверил его, что воздух чрез затравку проходит свободно, тогда товарищ, осмотревши замок, который также был особой конструкции, и, видя, что на полке нет пороха, взвел курок, прося Рылеву посторониться, на что сей отвечал: «Да стреляйте из пустого ружья; я стоял уже два раза противу пистолетных пуль, так не приходится прятаться от заржавленного ружья!». Комната эта была весьма маленькая, едва помещалась одна только кровать, а ружье было слишком длинное, дуло которого лежало почти над правым плечом Рылеву — когда же, по настоянию Рылеву, товарищ спустил курок и последовал нечаянный выстрел (весь заряд волчей дробы врезался в стену), то Рылеев, сделавши невольно шаг влево, сказал, смеючись: «И убить-то не умел».

Второй случай. Так как м<естечко> Белогорье находится расстоянием от берега Дона не более 300 сажен, разделенное лугом, то гг. офицеры летом часто купались на противоположном берегу, переправляясь на пароме, а иногда на лодке по течению реки отъезжали за версту и далее. Однажды на возвратном пути, переезжая быстрину реки, Рылеев, сидевший на борту лодки, увидел, что по воде несет убитую утку; он без всякой предосторожности хотел схватить ее, но, потерявши равновесие, упал за борт и при общем смятении, пока лопман собрался кинуться в воду, Рылеев, не умея хорошо плавать и от испуга не мог держаться на быстрине, начинал тонуть в виду всех, но лопман, с большим усилием, едва мог удерживать утопающего и в то же время сам начал просить о помощи. — Много стоило труда избавить их от очевидной гибели!.. Ры<леев> долго не мог прийти в себя и потом выдержал горячку.

Кроме сказанных двух случаев, Рылеев до того еще два раза дуэлировал на саблях и на пистолетах <...> Он безостановочно преследовал несбыточные идеи свои, которые постоянно роились в голове его, пока злая судьба

не положила конец его умствованиям! А как часто он говаривал нам: «Г<оспода>, вы или не в состоянии или не хотите понять, куда стремятся мои помышления! Умоляю вас, поймите Рылеева! Отечество ожидает от нас общих усилий для блага страны!! Души с благороднейшими чувствами постоянно должны стремиться ко всему новому, лучшему, а не пресмыкаться во тьме. Вы видите, сколько у нас зла на каждом шагу; так будем же стараться уничтожать и переменить на лучшее!».

Слушая эти речи из уст такого мечтателя, каков был Рылеев, <...> — мы и этот раз посмеялись от души и пожалели, что он не оставляет своих *убеждений*, которые со временем могли расстроить умственные его понятия.

Однажды, после случившегося с ним неприятного происшествия и болезни, он приехал в штаб батареи и навестил общество гг. офицеров, где в разговоре между прочим один из них обратился к Рылееву и спросил его:

— Скажите, пожалуйста, Кондратий Федорович, довольны ли вы своею судьбою, которая, как кажется, лелеет и хранит вас на каждом шагу? Мы завидуем вам!

— Что же тут мудреного, когда она так милостива ко мне! Я убежден, что она никогда не престанет покровительствовать гению, который ведет меня к славной цели!

— Но в чем же заключается эта цель? Пожалуйста, откройте нам или одному, по выбору вашему, из товарищей. Но вы молчите? Следовательно, тоже скрытность и недоверие, а может только испытание, лишь бы вывести? Дурно же вы разумеете нас! А может и нашелся бы такой, который умел бы обсудить не хуже вас самих, лишь бы только идеи, действительно, клонились к существенной пользе.

При этом сказал 2-й товарищ:

— Я не хочу верить, чтобы Кондратий Федорович попал на счастливую мысль; в противном случае он, как благородный человек, не скрывал бы от нас того, в чем каждый готов принять живейшее участие и сочувствовал <!> ему во всем полезном без поездки в Америку! К тому же он в течение почти 6 лет всегда был скрытным, удалялся от товарищей, службы никогда никакой* не нес и часто издевается еще над нами, зачем каждый нес службу вдвойне — и за себя и за его благородие. Так можно ли в чем положиться на его?? Он увлекается и силится доказать нам правоту своих убеждений, нисколько не открывая цели их?! По моему мнению, это — мечта и пустословие, ни к чему не ведущие! Пускай лучше решит эту задачу, например: из нас каждый чист совестью! а он ** чем может похвалиться! Пускай поверит себя и раскается, пока не ушло время! — он много виноват противу каждого из нас!

За сим добавил 3-й товарищ:

— Итак, Кондратий Федорович, вы все-таки остаетесь при своем мнении, чтобы стремиться к чему-то необыкновенному, великому!? Мысль эта прекрасная, благороднейшая! Но чтобы понять, освоить ее себе, надо же и ума и много условий, чего по сей час мы в вас не замечаем еще <...>, так зачем же идти на явные неприятности, с одними тайными убеждениями, и желать, чтобы другие сочувствовали вам без всякой цели? Я думаю так: если предопределение судьбы до сего времени не совершилось еще над вами, то вы обязаны счастливому случаю; может быть, та же судьба ожидает, чтобы вы поверили себя! Если вас миновали две пули и спаслись от потопления в реке, то это не дает еще права идти слепо на авось! Ведь редко кому приходится отделаться так счастливо, как вам! Должно думать, что

* Далее зачеркнуто: дурным

** Далее зачеркнуто: любезный товарищ

вам предназначается другая, лучшая смерть, как избраннику судьбы!.. неправда ли?

— Вижу, господа, что вы остаетесь о сию пору в том же заблуждении, — сказал Рылеев, — я повторяю вам, что для меня решительно все равно, какою бы смертью ни умереть, хотя бы быть повешенным; но знаю и твердо убежден, что имя мое займет в истории несколько страниц!

Вот правила, мысли и убеждения, коими постоянно руководствовался Рылеев, в особенности последнее время, находясь еще на службе, т. е. по день подания им прошения об увольнении в отставку в 818 году в декабре месяце¹⁶. Будучи в таком настроении, нельзя было не заметить, что большая часть его помышлений клонились к безумию: чтобы передать имя свое потомству, он заранее обрек себя на все смерти! И поэтому-то наш мир для его несообразных идей казался слишком тесен, что впоследствии и оправдалось на деле!..

К исходу этого года он, можно сказать, помешан был на равенстве и свободомыслии; часто говаривал: как бы скорее пережить тьму, в коей, по мнению его, тогда находилась наша Россия! Он предсказывал ей в будущности величие и счастье подданных, но не иначе, как с изменением законов, уничтожением лихоимства, а самое главное — удалить всех подобных Аракчееву, а на место их поставить Мордвиновых!

Будучи постоянными свидетелями нескольких лет образа жизни и суждений Рылеева, могли ли мы когда думать, чтобы прапорщик конной артиллерии, без средств к жизни, с такими наклонностями, непостоянным характером, мог затевать что-либо, похожее на дело серьезное?

Предаваясь всегда не дельным своим занятиям в уединении, никто из товарищей с ним не разделял, да и посторонних лиц, кто бы водил дружбу с Рылеевым, не было; даже друг его, прапорщик Миллер, не был посвящен в эти тайны; так он вел дела свои скрытно!

Случалось временами, когда Рылеев начинал говорить о предметах, клонящихся до будущего счастья России; он говорил увлекательно, даже с жаром (причем возражений не терпел). В это время речь его лилась плавно, он казался проникнутым благородными чувствами и твердостью убеждений своих предположений. Он жестоко нападал на наше судопроизводство, карал лихоимство, доказывал, сколько зла в администрации!.. и много кое-чего говорил подобного!! Нам же завещал свою мысль: не подчиняться никому, стремиться к равенству вообще и идти путем здравого рассудка; в чем, по его мнению, состояло все счастье каждого.

Но однажды в такой беседе один из товарищей сказал Р<ылееву>:

— Любезный Кондратий Федорович, часто мы слышим от тебя о всеобщем равенстве; то этим убеждениям я не верю, пока мы не увидим на самом деле; покажи нам пример: начини сам чистить платье и сапоги своему Ефиму, да беги к колодезю за водой?

— Это вздор! — отвечал Рылеев, — статья эта со временем разрешится сама собою! — И, спустя несколько, сказал: — Теперь я вижу, как [дурно] понимаете вы слова мои!

Так как с 1-го января 1819 года батарея должна была * перейти в Курскую губернию в Рыльский уезд на новые квартиры, то дня за три Рылеев, оставя невесту свою, приехал в штаб-квартиру проститься с товарищами; но и тут не обошлось без шумных разговоров, споров и доказательств; наконец, начавшее прощание и обоюдное желание, причем Рылеев просил позволения сказать несколько слов прежде и начал с того: «Г<оспода>, я считался несколько лет вашим сослуживцем, но был скверным слугою

* Далее зачеркнуто: выступить в поход

царю; вы поделом не любили меня как ленивца, но, признаюсь, я любил вас всех, кроме двух, — и показал на них, — мы не сошлись с самого начала, следовательно — и довольно! К тому же я никогда не замечал со стороны их желания сойтись со мною». Потом, обратясь ко всем, сказал: «Гг., я надеюсь, что при встрече со мною у вас не откажется никто подать мне руку как старому камрату; объятия мои всегда открыты для каждого из вас. Жалею сердечно, что вы не хотели понять меня (чему, однако ж, я не верю), впрочем, пусть оно и так! По крайней мере, не забывайте тех слов, которые много раз мною были высказаны пред вами как залог будущего счастья того, что для нас дороже всего! (здесь он подразумевал Россию) — легко может статься, что спустя * лет пять все изменится к лучшему! — я не теряю надежды видеть кого-либо из вас в благополучной Америке, в моей колонии независимости, куда приглашаю вас!!». А мы пожелали ему скорее соединиться навсегда с бывшею своею ученицей и наслаждаться семейным счастьем, бросить неверные идеи свои, не полагаться на судьбу, которая так немилосердно и часто играет участью смертных! Но Рылеев заключил так: «Я не сойду с избранного мною пути, ибо твердо убежден в предприятии своем, и вы увидите скоро! Это время не за горами; кто переживет из вас, тот оправдает меня, а до того, господи, — прощайте **, не забывайте ленивца Рылеева».

Мы обнялись, поцеловались и расстались навсегда!

Впоследствии же времени, как мне известно, никто из сослуживцев его переписки с ним не имел, кроме меня; да и то раза два-три в год <...> На письма же мои ствечал всегда шутливо и уклончиво, между тем, каждый раз уговаривал переехать в Петербург, служить вместе, уверяя, что раскаиваться не буду; не переставал твердить и убеждать, что пора нам поверить себя, взглянуть попристальнее на все окружающее нас, ибо, кроме зла, несправедливостей и неслыханного лихоимства, ничего у нас нет — а потому, необходимо думать, дорожить каждым днем и трудиться для будущего счастья России! Чтобы потомство не проклиняло нас. «Вот тебе дружеский совет, — писал Рылеев, — приезжай сюда (в Петербург), ты узнаешь много хорошего, а до того подумай и передай мне свои мысли»... ***

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Рылеев. Соч., стр. 463.

² Там же, стр. 96—97. — Стихотворение это было опубликовано только в 1872 г. П. А. Ефремовым, причем до 1934 г. без всяких оснований связывалось с именем Каховского.

³ Там же, стр. 446.

⁴ См., например, письмо Рылеева к матери от 17 сентября 1817 г. — Там же, стр. 441.

⁵ Воспоминания Косовского печатаются по автографу, ЦГЛА (ф. № 423, ед. хр. 42). В рукописи (тетрадь в 20 листов, исписанных с обеих сторон) не хватает конца.

⁶ Отец Рылеева дослужился на военной службе лишь до чина подполковника.

⁷ Рылеев был выпущен из корпуса в действующую армию 1 февраля 1814 г., ему в это время было восемнадцать с половиной лет.

⁸ Инициалы Ф. Р. Унгерн-Штернберга, два письма которого к Рылееву напечатаны выше (см. стр. 157—159).

⁹ Об этой «весьма неприятной истории» мы до сих пор знали лишь по рассказу Рылеева в его письме к матери от 18 июня 1818 г.: «Должен я еще уведомить Вас, что у нас было случилось в роте весьма неприятная история: Сухозанет, дабы перессорить между собою офицеров, представил младших к повышению чинов. Эти догадались, и все пошли к нему. Те, которых он представил, сказали ему, что они не чувствуют, дабы они сделали для службы что-либо отличное противу своих товарищей, а те, которых он хотел было обойти, сначала довольно учтиво, а наконец,

* Далее зачеркнуто: года три или четыре

** Далее зачеркнуто: навсегда

*** Конец рукописи не сохранился.

видя, что он не унимается, с псевдовольствием, доказывали ему, как он несправедлив. Видя же, что и это его не трогает, все офицеры, и представленные и обойденные, подали к переводу в кирасиры; меня же тогда при штабе не случилось. Федор же Петрович Миллер, находясь в числе обиженных, будучи им весьма дерзко оскорблен, вынужден был поступить с ним, как с подлецом. Но, слава богу, — все обошлось хорошо. Корпусный начальник артиллерии приезжал нарочно в Белогорье, дабы успокоить г(оспод) офицеров и уверить Сухозанета, что он кругом виноват. После сего, хотя он и примирил офицеров с ним, но этот мир не продолжится долго. Ибо все решился разными дорогами выбраться из роты. Федор Петрович выходит в отставку. Кажется, что и Сухозанет после полученного от него подарка должен оставить службу» (Рылеев. Соч., стр. 447—448).

Как видно из этого письма, Рылеев имел все основания дать резкий отпор провокационным поступкам Сухозанета.

Отметим, что высказанная здесь надежда Рылеева не осуществилась: Иван Онуфриевич Сухозанет остался служить в армии.

¹⁰ Никаких копий стихотворений Рылеева при воспоминаниях Косовского не сохранилось.

¹¹ Это утверждение Косовского не соответствует истине. Подписка о непринадлежности к масонским ложам бралась лишь после запрещения их в 1822 г.

¹² Описание мужицкой избы, в которой жил Рылеев, и особенно его одежды вполне соответствует действительности. В послании «Друзьям (в Ротово)», 1817—1819 гг., Рылеев писал:

Нельзя ль на новоселье,
О други, прикатить,
И в пунше, и в веселье,
Все горе потопить?
Друзья! прошу спешите;
Я ожидаю вас!
Мрак хаты осветите,
Весельем в добрый час!
В сей хате вы при входе
Узрите стол стоит,
За коим на свободе
Ваш бедный друг сидит
В своем светлокосейном,
Для смеха сотворенном
И странном сертуке,
В мечтах, с пером в руке!

Там кипа книжек рядом,
Любимейших лежит;
Их переплет не златом,
А внутрь добром блестит.
Заступа от неволи
Лябезные пистоли;
Шинелишка, сертук,
Уздечка и муштук;
Ружье — подарок друга,
Две сабли — как стекло,
Надежная подпруга
И Косовско седло;
Вот все, что прикрывает
Стенную черноту;
Вот все, что украшает
Сей хаты простоту.

(Рылеев. Стих., стр. 329).

¹³ Эти стихотворения известны. См. Рылеев. Стих., стр. 352 и 269.

¹⁴ В отношении поэмы «Войнаровский», написанной в 1823—1824 гг., это свидетельство Косовского совершенно не соответствует истине.

¹⁵ Это утверждение неверно: Рылеев хорошо знал французский и польский языки.

¹⁶ В начале XIX в. Америка, не знавшая оков монархий, феодальных сословностей, церковного гнета, являлась поприщем для многих опытов социального реформаторства. На обширных и заселенных землях страны последователи Сен-Симона, Фурье и Кабаэ учреждали в это время немало всякого рода «социалистических» и «коммунистических» общин, терпевших неизбежный крах. Как показывают комментируемые строки, к одному из таких утопических проектов был причастен и Рылеев.

¹⁷ В 1817—1818 гг. Рылееву, конечно, никак не могли предлагать места секретаря в Российско-Американской компании. Это произошло шесть-семью годами позже.

¹⁸ Рылеев подал в отставку не в декабре 1818 г., как утверждает Косовский, а ранее, возможно в сентябре 1818 г. (см. его извещение о предполагаемой подаче заявления об отставке в письме к матери от 18 июня 1818 г. — Рылеев. Соч., стр. 448). 26 декабря 1818 г. приказ об отставке Рылеева был уже опубликован в «Русском инвалиде».